

Др Анатолий Ливри

Париж – столица отступничества:

Юлиан и Вольтер

Опубликовано в [XVIII век: топосы и пейзажи: сб. ст. / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. – СПб.: Алетейя, 2014. – с. 499 - 507, ил. ISBN 978-5-90670-582-2.](#)

Материалы IX Международной научной конференции [«XVIII век: топосы и пейзажи»](#), прошедшей на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 27–29 марта 2014 г.

Ἐτύχανον ἐγὼ χειμάζων περὶ τὴν
φίλην Λουτεκίαν· ὀνομάζουσι δὲ οὕτως οἱ
Κελτοὶ τῶν Παρισίων τὴν πολίχνην.

Юлиан Отступник

Долголетняя подготовка философа, артиста, поэта – бессмысленна без творческого извержения. А конкретизация вдохновения не случится, если место созидания не располагает к инспиративному *динамитированию*, учит Фридрих Ницше («Es steht Niemandem frei, überall zu leben; und wer grosse Aufgaben zu lösen hat, die seine ganze Kraft herausfordern, hat hier sogar eine sehr enge Wahl. Der klimatische Einfluss auf den *Stoffwechsel*, seine Hemmung, seine Beschleunigung, geht so weit, dass ein Fehlgriff in Ort und Klima jemanden nicht nur seiner Aufgabe entfremden, sondern ihm dieselbe überhaupt vorenthalten kann: er bekommt sie nie zu Gesicht.»¹), арбитр, к которому я прибегну для разбора содействия парижской атмосферы художественному акту, ибо:

«Als *Artist* hat man keine Heimat in Europa ausser in Paris [...]»², – так, кельтская Лютеция предстаёт одним из городов, возведённых на земле, направляющей наиболее чутких человеческих особей, высшей формой реализации коих является тотальная *революция* – буквально, возвращение к истокам – вероисповедания своего этноса. И в этом кратком труде я установлю вехи между «апостасиями» двух чтимых Фридрихом Ницше отступников: императора Юлиана, ведущего перо немецкого эллиниста³, и Вольтера, памяти которого было посвящено *Человеческое, слишком человеческое*⁴.

Христианская вера убийц его родителей⁵ с детства претила Юлиану. Однако, несмотря на возможное тайное посвящение в митраизм дядькой Мардонием⁶, князь⁷ был воспитан в необходимости скрывать и ненависть к виновнику своего сиротства, и неразрывное с ней отвращение к учению Иисуса: являлась ли империя языческой или принявшей христианское крещение, лежала ли её столица на Тибре или на Босфоре, автократор отнимал жизнь подданных с лёгкостью неимоверной (презирая даже пародию процессов), а родственная близость с императором только увеличивала риск внезапной гибели. Казнь сводного брата Галла⁸ приучила Юлиана к маскировке своей антипатии полной покорностью Констанцию II: безропотной женитьбой на его сестре; принятием титулов, чреватых расправой за малейшую оплошность⁹ или же смертью в сражении¹⁰; и даже многостраничными панегириками императору¹¹ и его супруге¹², – все эти издревле вошедшие у патрициев в норму средства были хороши, дабы копить жажду мести, упражнять волю к власти, и, ожидая своего часа, совершенствоваться как стратег, греческий стилист и богослов. Случай пожелал, чтобы побив воинский рекорд Юлия Цезаря¹³, и проводя зиму с легионерами кельтами (нордической ипостасью греков для него¹⁴) в их Лютеции, – где Юлиан соревновался с туземцами в равнодушии к морозу¹⁵, – кесарь Галлии впервые публично означил своё изычество¹⁶, *nolens volens*, согласно первой эпистолярной версии событий, приняв императорский венец¹⁷.

Столь долго ожидаемый взрыв, – в котором слились и желание реванша, и религиозная ненависть, – произошёл именно в форте паризиев, откуда митраическое цунами Юлиана покатило к городу Константина, захлестнув весь западный мир. Юлиан стал попыткой ренановской «случайности» («On peut dire que, si le christianisme eût été arrêté dans sa croissance par quelque maladie mortelle, le monde eût été mithraïste.»¹⁸), и не оборви её копьё под стенами Ктесифона, нынешние западные индоевропейцы поклонялись бы Царю-Гелию, а следовательно, – продолжу известную

декартову мысль, – вся мировая история сложилась бы иначе. Однако, менее чем двухлетние теократические реформы императора-философа оказались остановлены летом 363 года христианской эры¹⁹, а его отступничество и по сей день проклинается в церквях: так жертва попытки неминуемого убийства, предпочитает публично повествовать, многократно повторяясь, о пережитом, дабы перебороть разъедающий её ужас.

Издавна требовалась солидная доля мужества, чтобы стать адвокатом тысячелетнего изгоя. И вот Вольтер, кельт, уроженец Лютеции, подхватывает факел антихристианской эстафеты Юлиана, делая это довольно-таки своеобразным способом. Рассмотрим же основные, перенятые от Монтеня элементы вольтеровского *ревизионизма* («негационизма», сказал бы функционер современной инквизиции), – ибо речь пойдёт о полной и безапелляционной реабилитации Юлиана, человека и теолога.

Для оправдания солнечной теократии Вольтер буквально напитывается книгами Флавия, – хоть и избегая подробного изучения всех тонкостей, – становится не только литературным, религиозным и философским последователем Юлиана, но и сам превращается в позднеэллинистического писателя. Вольтер вживает в себя креативные рефлексы мыслителя второй половины IV-го века х.э.: смесь и стоицизма, и платонизма, и кинической диатрибы – *παρρησία*, нередко доходящая до откровенных оскорблений оппонентов, вплоть до обвинений их в педерастии, травестии и проституции²⁰. Вольтер, сам анализируя Юлиана, осознаёт, что рамки какой-либо школы чужды императору : «Julien, stoïcien de pratique, et d'une vertu supérieure à celle de sa secte même, était platonicien de théorie ...»²¹. Однако, когда Вольтер пробует «классифицировать» Юлиана, он ставит его в один ряд со стоиками²² (возможно уважая восхищение Отступника «искавшим божественности» Марком Аврелием²³), показывая тем самым немалое пренебрежение великих умов к кодексам герметически закупоренных доктрин.

Разбирая интеллектуальные демарши, дабы найти их истоки, требуется изучить «человеческое слишком человеческое» идеологов: философия чаще всего есть выражение телесных потребностей и страстей; исключительно высшие природы способны подняться над необходимостью, работая во вред собственным нуждам, ведомые «идеализмом во имя сохранения расы». Вольтер не из их числа. Ему, как Симониду с Теокрытом, надобен монарх, – собственник рога изобилия, а также хозяин

земной парадейзы абсолютной поэтической свободы, – к которому Вольтер однажды и отправился в Сан-Суси²⁴. Положимся на вкус Шатобриана, издевавшего лондонское безденежье эмигранта: когда тот подчёркивает меценатство Юлиана, он инстинктивно сравнивает Апостата с Фридрихом II. Для Шатобриана, выросшего с одним с Вольтером культурном пространстве, и переводившего «по-гомеровски» составленную дарственную поместья Евагрию²⁵, письмо стратега-стилиста «... ressemble assez à ces épîtres toutes fleuries de lis et de roses, que le grand Frédéric écrivait à des gens de lettres, la veille d'une bataille ...»²⁶. И впрямь, имея покровителя подобного Отступнику, Вольтеру не пришлось бы испытать унижения – следствия крутого характера Фридриха, демонстрировавшего, с уроном для окружающих, свои *barbarischen Avantage*.

Важно отметить: знание дискурсов имперского реформатора сочеталось у Вольтера со слабым владением нюансами переписки Юлиана, оставившего нам, не забудем это, самое крупное из всех римских самодержцев эпистолярное наследие. Вольтер отнюдь не Робер Фориссон эпохи Просвещения! Напротив, повседневность поглощает его энергию, кропотливое вчитывание в первоисточники – условие *sine qua non* пронизательной утонченности, а следовательно и *дальнобойного богословия* – не самая сильная его сторона, и Вольтер допускает грубые ошибки: его попытки уничтожить «ложь тысячелетий» выливаются в банальное повторение ляпсусов Монтеня. И вот он, откровенный пробел в юлиановедении Монтеня: он навязывает Юлиану роль «жертвы» Церкви – насилие над Юлианом, на самом деле скрывающее нежелание посидеть над документами, доказывающими обратное, пусть модной, теории: «Ils ont aussi eu cecy, de prester aisément des louanges fauces à tous les Empereurs qui faisoient pour nous, et condamner universellement toutes les actions de ceux qui nous estoient adversaires, comme il est aisé à voir en l'Empereur Julian surnommé l'Apostat.»²⁷. Ибо, несмотря на уверенность Монтеня, вовсе не столпы христианства обвинили Юлиана в апостасии. Нет! Сам автократор, в момент дионисической восторженности восславляя кельтского Бахуса, – дарующего опьянение напитком не из виноградной лозы, но из ячменя, – с гордостью подписывает свой стих «Юлиан Апостат»²⁸. Более того, злоупотребляя вдохновением (наверно в ту же самую экстатическую ночь), император продолжает ставить тавро своего «отступничества» на каждое новое поэтическое произведение²⁹. А что же Вольтер? Чтение писем автократора его не интересует, и он просто копирует смысл защитной речи бордоского магистрата: «апостасия» Юлиана, оказывается, не величаво несомая хоругвь религиозного

революционера, но клевета последователей победившего христианства: «... Julien le philosophe, surnommé l'Apostat par les chrétiens.»³⁰ – царственный гуманист античности, представляемый современникам невинно пострадавшим от мракобесия, куда как полезнее парижскому диалектику, чем полный языческого достоинства отступник, – а потому Вольтер решает повторить несколькими страницами ниже своё обвинение здесь безгрешной Церкви: «Julien le stoïcien, si sottement nommé l'Apostat par des prêtres ...»³¹. Вольтер даже не пытается скрыть свою сущность от всякого специалиста юлиановского наследия: он – идеолог, беспрестанно спешащий от одного двора к другому, и ему срочно требуется сфабриковать из Юлиана очередную антихрианскую бомбу, дабы метнуть её в читающие массы. Нюанс же вреден при общении с просвещённой чернью.

Но что ценнее всего Вольтеру, так это напор злорадства последних, антиохских дискурсов Юлиана, которыми парижанин буквально напивается, – столь необходим его творчеству солярный заряд полуторатысячелетней давности: зоологическому расизму Вольтера («Je vois des singes, des éléphants, des nègres, qui semblent tous avoir quelque lueur d'une raison imparfaite.»³²), его юдофобии высочайшего накала («... et comment cet autel, ce monument du Deutéronome, subsistera-t-il dans le pays où les Juifs furent si longtemps réduits à un esclavage que leurs brigandages avaient tant mérité ...»³³) и религиозной нетерпимости идола парижских путчистов 1789 года («C'est avec très grands raison que Julien méprise ce fameux *Décalogue* que les Juifs regardent comme un code divin.»³⁴) требуется поистине спортивный допинг. Его название Юлиан Апостат. И не важно, если снадобье принимается не по предписанному в античности графику. Так, например, если содомиты константинопольского двора сбривают зимой 355 года Юлиану бороду³⁵ – отличительный знак философов, ставший притчей во языцах греческих литераторов³⁶, – и уже всевластный император честит не менее извращённых христиан Антиохии³⁷ за ненависть к «стойческой растительности» своего подбородка³⁸, клеймя своих эпилированных³⁹ противников презрительным «галилеяне»⁴⁰ – оскорблением, ставшим привычным под пером Юлиана⁴¹, то Вольтеру по нраву это «галилеяне» Апостата, и он гостеприимно ассимилирует обидный для католиков XVIII-го века термин фехтовального богословия⁴². Юлиановский *Мисопогон* столь врезался в память Вольтера, что парижанин прибегает к нему постоянно, притом в случаях, к теологии не имеющих ни малейшего отношения. Так, Вольтер цитирует *Бородоненавистника* в своих лингвистических размышлениях о галльских языках: «Ce que nous savons des Gaulois, par Jules César et par les autres auteurs romains, nous donne

l'idée d'un peuple qui avait besoin d'être soumis par une nation éclairée. Les dialectes du langage celtique étaient affreux: l'empereur Julien, sous qui ce langage se parlait encore, dit, dans son *Misopogon*, qu'il ressemblait au croassement des corbeaux.»⁴³. Несомненно, смысл прыщающего злорадством памфлета порфиринового эллиниста запечатлён в мозгу Вольтера, он лишь позабыл его тонкости: ведь на самом-то деле кельтские соратники Юлиана предстают в его *Мисопогоне* не говорящими, а ... поющими: «εασάμην τοι καὶ τοὺς ὑπὲρ τὸν Ῥῆνον βαρβάρους ἄγρια μέλη λέξει πεποιημένα παραπλησίᾳ τοῖς κρωγμοῖς τῶν τραχὺ βοῶντων ὀρνίθων ἄδοντας καὶ εὐφραينوμένους ἐπὶ τοῖς μέλεσιν.»⁴⁴, – Вольтер, самоуверенный подёнщик королевских прихожих, этот предтеча современного французского профессора, несомненно спешил на поклон к важному персонажу, а потому не удосужился перечитать мистическое завещание автократора.

Однако несмотря на всё плебейство по отношению к Слову этого «grandseigneur des Geistes»⁴⁵, теологический рефлекс Вольтера любопытен: митраическая революция Лютеции 361 года х.э. увлекает парижанина XVIII-го столетия, Юлиан уже не просто символ мученичества паганизма, почерпнутый им из *Res gestae* другого язычника, Аммиана Марцеллина⁴⁶, император – сгусток солярной энергии, которым Вольтер подзаряжает свой инспиративный аккумулятор, когда тот выдыхается в приёмных сильных мира сего. И вот результат: возрождённый Юлиан получил, благодаря Вольтеру, новый шанс вернуть индо-европейцев к этническим истокам их религии, и, уже независимо от парижанина, повёл митраические батальоны навстречу восходящему солнцу, словно некогда отсечённая иудее-христианством от Митры элита Запада свершала (и будет впредь их праздновать) чудовищные мессы во славу Экстарха. А самые чуткие созидатели Европы ощущают порыв к телесно-религиозному единению этноса со своей мифической родиной и принимают воспевать Апостата, следуя той *mode julianesque*, модернизатором и пропагандистом коей стал Вольтер. И всякий раз у этих поэтов Юлиан предстаёт не просто идеалом воина или правителя, он – символ тотальной доктринальной революции, воплощение невыносимейшего современникам «иммoralизма», который на самом деле является истинной «моралью», естественной формой жизневибрации индо-европейцев: для Барреса с Клоделем император – Big Band их творчества⁴⁷; Селин же, точно Ницше Вольтеру, посвящает «À Julien l'Apostat»⁴⁸ свой гиппократический, уже семьдесят лет запрещённый к публикации во Франции памфлет, где парижский асклеиад, сознавая, что обрекает себя на издательско-литературное чистилище грядущего, откровенно выбирает лагерь

тех, кому суждено проиграть очередную мировую войну, непрестанно, но безуспешно призывая французов принять первенство германцев⁴⁹. Всех их в момент инспиративного акме объединяет схожая физиологическая реакция экстатического пророчества, – презирующая писательский карьеризм, – направленная на оздоровление, а возможно и на спасение людской породы.

Анатолий Ливри, Университет Ниццы – Sophia Antipolis

---

¹ Friedrich Nietzsche, *Ecce homo* dans *KSA*, Berlin – New York, Walter de Gruyter, 1989, Band 6, S. 281 – 282, курсив Ницше.

² Там же, S. 244, курсив Ницше.

³ Юлиан Отступник предстаёт в письме двадцатидвухлетнего Ницше (Friedrich Nietzsche, *Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe*, September 1864 – April 1869, „An Carl Diltthey in Berlin“, Naumburg a./S. am 21. Apr. 1866, Berlin – New York, Walter de Gruyter, 1986, Band 2, S. 118.), он отсутствует, однако, в его «канонических произведениях», что вовсе не мешает императору влиять на любомудрие Ницше-Антихриста: см. Anatoly Livry, «Claudel *contra* Nietzsche ou l'Ultime tentative de Mithra» dans *Nietzsche und Frankreich*, Berlin – New York, Walter de Gruyter Verlag, 2009, S. 135-150. Acte du colloque «Nietzsche und Frankreich» organisé par la «Nietzsche-Gesellschaft» allemande, Naumburg, août 2006.

⁴ Friedrich Nietzsche, *Ecce Homo* dans *op. cit.*, S. 322.

⁵ См. L'Empereur Julien, *Au Sénat et au peuple d'Athènes*, 3, 270 c – d dans *Discours*, Paris, Les Belles Lettres, texte établi et traduit en français par Joseph Bidez, 1932, t. I, 1e partie, p. 215.

⁶ Там же, 2, 241 c, p. 191; и там же, 5, 274 d, p. 220.

⁷ Я прибегаю – русифицируя их – к средневековым эквивалентам античных титулов, весьма пронциательно использовавшимися старыми европейскими мастерами-эллинистами, ставшими моими учителями. Так например Franz Cumont, *Lux perpetua*, Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1949, называет императоров Вера (p. 30), Марка Аврелия (p. 118) или консула Германика (p. 288) «принцами».

⁸ См. L'Empereur Julien, *Au Sénat et au peuple d'Athènes*, 3, 271 a dans *op. cit.*, p. 216.

⁹ Там же, 7, 277 a – c, p. 223.

¹⁰ Там же, 280, p. 226 – 227.

¹¹ См. Julien César, *Éloge de l'empereur Constance* dans *op. cit.*, p. 10 – 68, а также Julien César, *Les actions de l'empereur ou de la royauté* dans *ibid.*, p. 116 – 180.

¹² См. Julien César, *Éloge de l'impératrice Eusébie* dans *ibid.*, p. 73 – 105.

---

¹³ Юлий Цезарь перешёл Рейн дважды, отмечает Юлиан в своей сатирической повести (L'Empereur Julien, *Les Césars*, 20, 320 d dans *Discours*, Paris, Les Belles Lettres, texte établi et traduit en français par Christian Lacombrade, 1964, p. 51), в то время, как он сам, Юлиан, свершил этот подвиг трижды: L'Empereur Julien, *Au Sénat et au peuple d'Athènes*, 8, 280 c dans *op. cit.*, p. 227.

¹⁴ Там же, 11, 284 с, p. 232.

¹⁵ См. L'Empereur Julien, *Le Misopogon*, 7, 341 с dans *Discours*, Paris, Les Belles Lettres, texte établi et traduit en français par Christian Lacombrade, 1964, p. 162.

¹⁶ См. L'Empereur Julien, *Au Sénat et au peuple d'Athènes*, 11, 284 a – b dans *op. cit.*, p. 205.

¹⁷ Там же, 284 d – 285 d, p. 232 – 233.

¹⁸ Ernest Renan, *Marc Aurèle et la fin du Monde Antique*, Paris, Calmann – Lévy, 1882, p. 536.

¹⁹ Юлиан поднимается на престол Константина в ноябре 361 года. Франкоязычные античники пока не особо решили когда конкретно произошла официальная – а не «парижская» – коронация апостата: так, известный бельгийский специалист высказывается за 3 ноября (Joseph Bidez, *Julien en Illyrie et à Constantinople* dans *Discours, Lettres et fragments*, traduit par Gabriel Rochefort, Paris Les Belles Lettres, 1963, p. 30.), а издатель Аммиана Марцеллина опубликовал, в том же парижском издательстве Les Belles Lettres, дату – 8 ноября: Édouard Galletier, *Introduction* dans Ammien Marcellin, *Histoire*, Paris, Les Belles Lettres, 1968, t. 1, p. 12.

²⁰ См. например Pierre-Louis Malosse, «Rhétorique, philosophie et prostitution: la lettre de Julien au sénateur Nilus (Ép. 83 Bidez)» dans *Culture classique et christianisme, Mélanges offerts à Jean Bouffartigue*, textes réunis par Danièle Auger et Étienne Wolff, Université Paris X, Nanterre, CNRS, p. 57 – 70 (в особенности страницы 65 – 69).

²¹ Voltaire, *Examen important de Milord Bolingbroke ou le tombeau du fanatisme* dans *Mélanges*, Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1961, p. 1086.

²² Voltaire, *Philosophe ignorant*, XLV. *Des stoïciens* dans *ibid.*, p. 906.

²³ См. L'Empereur Julien, *Les Césars*, X, 333 с dans *Discours*, Paris, Les Belles Lettres, texte établi et traduit en français par Christian Lacombrade, 1964, t. 1, 2e partie, p. 67.

²⁴ См. например Voltaire, *Lettres inédites à Frédéric-le-Grand, roi de Prusse*, publiées sur les originaux, Paris, chez Aug. Delalain jeune, 1802, 195 p.

²⁵ L'Empereur Julien, *Lettres et fragments*, «Lettre Julien à Evagrius», N 4, traduit par Joseph Bidez, Paris, Les Belles Lettres, 1960, t. 1, 2e partie, p. 12-14.

²⁶ François-René de Chateaubriand, *Études historiques, Œuvres*, Paris, Legrand, Troussel et Pomey, Libraires-Éditeurs, 1826, t. 9, p. 189 – 190.

²⁷ Montaigne, *Essais*, Livre II, Ch. XIX, *De la liberté de conscience*, Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1962, p. 651.

²⁸ L'Empereur Julien, *Lettres et fragments*, N 168, *op. cit.*, p. 216.

²⁹ Там же, N 169 и 170.

-
- ³⁰ Voltaire, *Examen important de Milord Bolingbroke ou le tombeau du fanatisme* dans *op. cit.*, p. 1082.
- ³¹ *Там же*, p. 1085.
- ³² Voltaire, *Traité de métaphysique, Des différentes espèces d'hommes* dans *Mélanges, op. cit.*, p. 159.
- ³³ *Там же*, p. 1005.
- ³⁴ *Там же*, p. 1087.
- ³⁵ См. L'Empereur Julien, *Au Sénat et au peuple d'Athènes*, 5, 274 c – b dans *op. cit.*, p. 220.
- ³⁶ См например Lucien, *Œuvres, Icaroménippe ou l'homme qui va au-dessus des nuages*, 21 dans *Opuscules*, Paris, Les Belles Lettres, 1993, traduit par Jacques Bompaire, t. 3, p. 236.
- ³⁷ См. L'Empereur Julien, *Le Misopogon*, 14, 345 d – 346 a dans *Discours*, t. 1, 2e partie, p. 167 – 168.
- ³⁸ *Там же*, 38, 365 d, p. 192.
- ³⁹ *Там же*, 14, 346 a, p. 168.
- ⁴⁰ *Там же*, 28, 357 c, p. 182; 35, 363 a, p. 189 и проч.
- ⁴¹ См. L'Empereur Julien, «Lettre Julien à Théodore, Grand Prêtre», N 89, 454 d dans *op. cit.*, p. 155.
- ⁴² Voltaire, *Dictionnaire philosophique*, «Julien le philosophe empereur roman», Paris, Garnier-Flammarion, 1964, p. 249.
- ⁴³ Voltaire, *Avant-Propos, Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*, II dans *Les Œuvres complètes*, Oxford, Voltaire Foundation, 2009, t. 22, p. 8-9.
- ⁴⁴ L'Empereur Julien, *Le Misopogon*, 1, 337 c dans *op. cit.*, p. 157.
- ⁴⁵ Friedrich Nietzsche, *Ecce Homo* dans *op. cit.*, S. 322.
- ⁴⁶ Ammien Marcellin, *Histoire*, XXV, 3 – 7, Paris, Les Belles Lettres, 2002 (1977), traduit par Jacques Fontaine, t. IV, p. 175 – 176.
- ⁴⁷ Анатолий Ливри, «Клодель язычник и „Аллах-Митра” Барреса», *Десятые Андреевские Чтения, Литература XX-го века, Выводы и перспективы изучения*, Москва, МГУ, ЭКОН-Информ, 2012, с. 98-121, а также Anatoly Livry, «L'Hélios-Roi de Claudel et le Mithra-Allah de Barrès», *Jahrbuch Komparatistik, Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft*, Heidelberg, Synchron Wissenschaftsverlag, 2013, S. 15 – 28.
- ⁴⁸ Louis-Ferdinand Céline, *L'École des cadavres*, Paris, Les Éditions Denoël, 1942 (1938), p. 5.
- ⁴⁹ *Там же*, p. 32 – 33, 64 – 65 и далее.